

*Погребная Яна Всеволодовна
Профессор кафедры русской и мировой литературы и
технологий обучения*

СГПИ

Сухорукова Виолетта Сергеевна

студентка, СГПИ

г. Ставрополь, Россия

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ А.Н.АФАНАСЬЕВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Аннотация: в статье рассматривается влияние трудов А.Н. Афанасьева на развитие фольклористики и литературоведения.

Ключевые слова: мифопоэтика, фольклор, фольклористика, сказка.

Pogrebnaia Yana Vsevolodovna

Professor of the Department of Russian and World Literature and

Educational Technologies, SGPI

Stavropol

Suhorukova Violetta Sergeevna

Student, SGPI

Stavropol

THE SIGNIFICANCE OF A.N. AFANASYEV'S WORKS FOR THE DEVELOPMENT OF FOLKLORISTICS

Abstract: the article examines the influence of the works of A.N. Afanasyev on the development of folklore and literary studies

Key words: mythopoetics, folklore, folkloristics, fairy tale.

Александр Николаевич Афанасьев вошёл в историю русской культуры главным образом как создатель двух фундаментальных и во многих отношениях беспрецедентных трудов: знаменитого сборника «Народные русские сказки» и «Поэтические воззрения славян на природу». Сборник «Народные русские сказки», является основополагающим изданием не только отечественной, но и мировой фольклористики, положившим начало научному собиранию и изучению восточнославянской сказки.

Однако Александр Николаевич Афанасьев является и глубоким исследователем мифологии, автором многочисленных сочинений, в которых разъяснял и сопоставлял предания, обычаи, мифы наших предков. Работы ученого, прослеживающие возникновение и историческое развитие древнейших мифов и языческих верований, их отражение в языке и народном творчестве, на сегодняшний день представляют значительный интерес для самого широкого круга читателей.

Широкому кругу читателей Александр Николаевич Афанасьев известен как издатель: "Народных русских сказок". Менее известно, что он издал также "Народные русские легенды" и "Русские заветные сказки". И, пожалуй, только специалисты знают, что он был автором большого трехтомного исследования "Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов". Забегая вперед, отметим, что подобного труда до А. Н. Афанасьева не знала не только русская, но и зарубежная наука.

А. Н. Афанасьев скромно назвал свое исследование опытом, но этот опыт до сих пор никем не превзойден. По богатству материала и оригинальности замысла с ним не могут соперничать даже такие фундаментальные и широко известные в нашей стране труды, как "Золотая ветвь" Дж. Фрэзера, дважды издававшаяся в советское время, и "Первобытная культура" Э. Тэйлора. Мы с полным основанием можем сказать, что "Поэтические воззрения славян на

природу" являются одной из классических работ не только русской мифологической школы XIX века, но и мировой науки о фольклоре вообще.

Особое значение труда Афанасьева заключено в богатстве громадного собранного материала, в установлении живых связей языка и предания в их историческом развитии. Этот бесценный материал почерпнут из истории, этнографии, мифологии, словотворчества десятков народов. В этом смысле "Поэтические воззрения", говоря по-современному, глубоко интернациональны.

Исследование Афанасьева имеет огромную познавательную ценность, и, как всякое подлинное явление культуры, оно не только воскрешает для нас далёкое прошлое, но и служит дню сегодняшнему. Книга обратит читателя к истокам нашего современного языка и бытового поведения, раскроет многие "темные места" и метафоры литературы, фольклора и обычаев.

Книга воскрешает корни и раскрывает словообразовательные возможности нашего языка и тем самым будет препятствовать его порче, засорению.

Необходимость в переиздании "Поэтических воззрений" назрела давно. Это уникальное, ценнейшее исследование практически недоступно молодым ученым, тем более – широкому кругу читателей, людям, интересующимся отечественной историей, проблемами языка. Между тем нет ни одного сколько-нибудь заметного труда по истории славянской народной культуры, где не упоминались бы работы А. Н. Афанасьева. Сошлемся хотя бы на самый свежий пример: в замечательном исследовании академика Б. А. Рыбакова "Язычество древних славян" (М., "Наука", 1981) широко используются материалы книги Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу". К труду Афанасьева обращались многие русские писатели: А. Н. Толстой, Блок, Бунин, Мельников-Печерский, Есенин, Горький и др. И можно не сомневаться, что книга, которую читатель держит сейчас в руках, станет такой же необходимой,

неотъемлемой частью жизни многих и многих, как создание другого выдающегося современника Афанасьева – "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля.

Афанасьев выступил как ученик Ф.И. Буслаева, последователь братьев Гримм и других западноевропейских ученых. Однако в мифологическую теорию он внес новое. Афанасьев привлек настолько громадный фактический материал, что "Поэтические воззрения..." сразу стали ярким явлением в мировой науке и до сих пор остаются ценной справочной книгой по славянской мифологии.

Свои теоретические взгляды Афанасьев изложил в первой главе, которую назвал "Происхождение мифа, метод и средства его изучения".

Происхождение мифов объясняет история языка. Ссылаясь на диалекты и язык фольклора, Афанасьев утверждал: "В древности значение корней было осязательно"; "Большая часть названий основывалась на весьма смелых метафорах".[5] Однако со временем происходило затемнение метафор, метафорическое уподобление начинало восприниматься как действительный факт – и рождался миф. «Стоило только забыться, затеряться первоначальной связи понятий, чтобы метафорическое уподобление получило, для народа все значение действительного факта и послужило поводом к созданию целого ряда баснословных сказаний. Извилистая молния является огненным змеем, быстролетные ветры наделяются крыльями, владыка летних гроз – огненными стрелами».[5] В вопросе о сущности мифов ученый был последователем прежде всего "метеорологической" теории, согласно которой в основе большинства мифов лежит обожествление грозы, грома, молнии, ветра, туч. Афанасьев писал: "Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы"[5] Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся бесчисленных формах,

обусловливается силою света и тепла, без нее все замирает. Подобно другим народам, наши праотцы обоготворили небо, полагая там ее вечное царство, ибо с неба падают солнечные лучи, оттуда блистают луна и звезды и проливается плодотворящий дождь" [3] "В весенних грозах, сопровождающих возврат солнца из дальних странствий в царство зимы, воображению древнейших народов рисовались: с родной стороны, брачное торжество природы, поливаемой семенем дождя, а с другой – ссоры и битвы враждующих богов; в громовых раскатах, потрясающих землю, слышались то клики свадебного веселья, то воинственные призывы и брань .

На протяжении истории мифы подвергались значительной переработке. Афанасьев выделил три принципиально важных момента.

Во-первых, "раздробление мифических сказаний". "Большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит к отдаленному времени ариев; выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе с богато выработанным словом, уносили с собой и самые воззрения и верования".[9]

Во-вторых, "низведение мифов на землю и прикрепление их к известной местности и историческим событиям". "...Поставленные в условия человеческого быта, воинственные боги утрачивают свою недоступность, нисходят на степень героев и смешиваются с давно усопшими историческими личностями. Миф и история сливаются в народном сознании; события, о которых повествует последняя, вставляются в рамки, созданные першем; поэтическое предание получает историческую окраску, и мифический узел затягивается еще крепче".[5]

В-третьих, нравственное (этическое) мотивирование мифических сказаний". С возникновением государственных центров мифы канонизируются, причем в высшей среде. Они приводятся в хронологическую последовательность, устанавливается иерархический порядок: боги подразделяются на высших и низших. Общество богов организуется по

образцу человеческого, государственного союза, и во главе его становится верховный владыка с полной "царственной властью".

Для Афанасьева фольклор – важный и, достоверный источник мифологических разысканий. Исследователь рассмотрел загадки, пословицы, приметы, заговоры, обрядовые песни, былины, духовные стихией сказки. О сказках он писал: "Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во-первых, что сказки создались, на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и во-вторых, что по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны – на места их новых поселений".[5] Так объяснялось международное сходство сказочных сюжетов и образов.

Афанасьев поставил в фольклористике существенные теоретические проблемы: о сущности мифов, об их происхождении и историческом развитии. Он предложил стройную концепцию. Вместе с тем в этом труде отразились недостатки романтических теорий языковедов и фольклористов середины XIX в. Уже современники критиковали Афанасьева за отсутствие четких критериев, за субъективизм в конкретных истолкованиях.

"Поэтические воззрения славян на природу" способствовали активизации изучения фольклора и оказали воздействие на литературное творчество русских писателей (П. И. Мельникова-Печерского, С. А. Есенина и др.).

Идеи мифологической школы на протяжении всех последующих лет использовали многие направления филологии. Яркая вспышка интереса к мифу была в 50-60-х гг. XX в., когда в Западной Европе и Америке оформилась неомифологическая теория. Она основывалась на этнологических трудах конца XIX – первой половины XX в., связанных с разработкой антропологической концепции. Самым значительным было исследование

английского ученого Д. Фрэзера – 12-томная книга "Золотая ветвь". На огромном материале Фрэзер показал мифологическую общность примитивных культур и попытался доказать, что в основе образного мышления современного цивилизованного человека лежат те же мифы.

Наиболее важный источник неомифологической теории – учение об архетипах швейцарского психиатра К. Юнга. Юнг выступил с идеей интуитивного постижения человеком опыта древних. Содержание этого опыта составляют общечеловеческие первообразы (архетипы). Большинство сюжетов и образов фольклора и литературы восходят к символически переосмысленным архетипам, к мотивам древнейших мифов, которые "хранятся" у каждого человека в области бессознательного.

Афанасьев отстаивает принципиальное для него положение о том, что единственным источником мифических представлений является человеческое слово, замечая, что "миф есть древнейшая поэзия", "народ есть древнейший поэт, творивший язык и мифы". История языка демонстрирует процесс мифотворчества, создания мифов. Автор высказывает восходящую к А. Шлейхеру и М. Мюллеру идею двух периодов истории языка – его создания, языкового творчества, и упадка, забвения исходных смыслов, постепенного разрушения, деградации. Эту идею на первом этапе творчества разделял и Ф. И. Буслаев, чьи работы во многом послужили источником афанасьевских.

Как пишет Аникин В.П., "уже в ранних работах Афанасьева оформились две принципиальные черты его взглядов на мифологию: во-первых, она осмысливается как система, основанная на первобытных воззрениях на природу, и, во-вторых, акцентируется ее эстетический характер".[3]"Отношение Афанасьев к мифологии совмещает в себе противоположные черты просветительского и романтического характера. Усматривая в основе мифологических воззрений реальные наблюдения над природой, он следует просветительской критике мифа, однако стремление встать на точку зрения первобытного поэта-художника и апология поэтического творчества как

движущей силы мифологического процесса выдают романтические основы его концепции”.[7]

Восстановление и исследование мифа возможны, по Афанасьеву, благодаря данным и методам сравнительного языкознания, уже с успехом примененным для исследования индоевропейских языков и реконструкции культуры их носителей. Автор указывает источники для реконструкции мифологических представлений славян. Это: диалектная лексика; фольклорные тексты – прежде всего загадки (половицы, поговорки, присловья, прибаутки, не имеющие прямой связи с язычеством, признаются выразительными памятниками устной речи), клятвы, приметы, гадания, истолкования сновидений и врачевные наставления. Важным источником признаются заговоры (они, по Афанасьеву, “суть обломки древних языческих молитв и заклинаний”), в меньшей степени обрядовые песни (большая часть которых, впрочем, позднего происхождения, а прочие “подверглись значительному подновлению”). Большое значение Афанасьев придает изучению былин, которые считает только слегка христианизированным языческим эпосом

Историки продолжают ценить архивные публикации Афанасьева, его труды, посвященные журнальной сатире XVIII века, письмам Петра Первого, древним дипломатическим актам, другие работы, в которых были обнаружены ценные исторические документы с текстологическими и бытовыми пояснениями.

Литературоведы не забывают заслуг Афанасьева как публикатора писем и стихотворений А. С. Пушкина, как автора статей о Н. И. Новикове, о сатирах А. Д. Кантемира, о Д. И. Фонвизине, К. Н. Батюшкове, А. И. Полежаеве, М. Ю. Лермонтове.

Современная наука не может согласиться со взглядами Афанасьева как последователя господствовавшей в его время теории, но, не принимая концепции, нельзя проходить мимо многочисленных и многообразных,

сделавших бы и ныне честь любому современному исследователю, верных конкретных толкований фольклора затронутых крайними общеконцептуальными соображениями. В разысканиях Афанасьева открывается достаточно широкая область такого исследовательского поиска, который при иной общем взгляде может оказаться чрезвычайно полезным и нужным.

С каждым годом все дальше отодвигается в прошлое девятнадцатое столетие. Афанасьев был современником Н. В. Гоголя к М. С. Щепкина, А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, тех, кто вошел в историю под именем людей «сороковых» и «шестидесятых» годов. Он и сам принадлежал к этой когорте славных деятелей, много потрудившихся на общественном поприще в борьбе за основы демократической национальной культуры и уклада жизни, свободного от угнетения и насилия. Это и доставило Александру Николаевичу Афанасьеву непреходящую славу в памяти поколений.

Список литературы

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963, Т. 2.
2. Академические школы в русском литературоведении. М. 1975.
3. Аникин В.П. Афанасьев и его фольклорные сборники // Народные русские сказки. Из сборника Афанасьева. М., 1982.
4. Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
5. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы / Агапкина Т.А. М., 2000.
6. Баландин А.И. Мифологическая школа. // «Академические школы в русском литературоведении». М., 1975.
7. Бараг Л. Г.,Новиков Н. В. А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // В кн.: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева М., 1984, Т. 4.

8. Баренбаум И.Е. Книжное дело и общественное движение 60-х – 70-х гг. XIX века в России // Книга. М., 1964.
9. Барсуков Жизнь и труды Погодина. Кн. 1-22, СПб., 1888-1910.
10. Бессмертных Л. Нецензурные сюжеты. Об изданиях «Русских заветных сказок» А.Н. Афанасьева // «Эрос». 1991, № 1.
11. «Библиограф» и его предшественники, 1825-1888. // «Русская старина». 1889.
12. Биография как вид исторического исследования. Сб. науч. Трудов. Тверь 1993.
13. Будаев Д.И. Сын декабриста Е.И. Якушкин (Освобождение крестьян в смоленском имении И.Д. Якушкина) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М. 1976.
14. Бурцев В.Л. За сто лет (1800-1896). Сб. по истории политических и общественных движений в России. London, 1897.
15. Бухарин А.А. Александр Станкевич (из истории участия воронежцев в общественно-политическом движении в России) // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972.